

ПРОЛОГ

— Я хотел бы поговорить с генерал-полковником Сумароковым, — вежливо сказал в динамике мобильного телефона голос, которого генерал раньше никогда не слышал. Он вообще решил было, что ему звонит какой-то компьютерный робот с очередной рекламой, настолько голос казался механическим.

— Я — Сумароков. Слушаю вас внимательно, — на всякий случай ответил генерал. Обычно роботы на такие фразы просто не реагируют, а то и просто перебивают человека — поговаривают, что искусственный интеллект сложно научить ждать.

— Это хорошо, что ты внимательно слушаешь. Внимание тебе сейчас просто необходимо, — голос резко изменился и стал наглым.

Генерал почувствовал в голосе недоброе, в чем-то даже угрожающие нотки и решил ответить привычным и соответствующим его должности образом.

— Я вообще-то привык, чтобы мое звание уважали и разговаривали со мной на «вы». В противном случае я просто отключу телефон, предупреждаю.

— Это не в твоих интересах. Сам должен понимать. Я тебя уговаривать не намерен.

— А интересы я привык сам себе выбирать, — резко сказал Сумароков.

— Короче говоря, слушай сюда, генерал. Я повторять не люблю.

— Слушаю, — ответил Сумароков скорее всего из простого любопытства, чем от желания понять, что от него хотят.

— Сегодня тебе принесут мешок — это якобы твоя посылка домой. Мешок, не заглядывая в него, ты пошьешь, а шнур опечатаешь своей металлической печатью и отправишь ближайшим самолетом. И домой не забудь... Не забудьте, — усмехнулся звонивший, видимо, подумав, что генерал-полковник свое обещание выполнит и отключит телефон. — И домой не забудьте позвонить, предупредите, чтобы мешок не трогали, за ним придут нужные люди. И заберут. Вы за это получите двести тысяч баксов. Семья получит. Сразу же. В обмен на мешок. Но это, я прошу заранее учесть, только первая такая выплата. В дальнейшем вы будете получать по сто тысяч в той же валюте...

— А если я откажусь? — последовал вопрос.

Звонивший издевательски засмеялся:

— Какой человек в здравом уме откажется от такой суммы! — И тут же перешел на серьезный тон: — В случае отказа я вам просто не завидую, скажу честно. Вас ждут большие неприятности.

Запугать генерал-полковника пытались много раз, но дальше угроз дело так ни разу и не пошло. Не испугался он и сейчас и сказал свое категоричное нет!

— Как хотите, я предупреждал... — Человек уговаривать генерала не стал и от разговора отключился, а Сумароков подумал о том, что слегка поторопился. Следовало бы ему как-то изловчиться, позвонить с другого номера телефона и сообщить в сирийские правоохранительные органы о предложении. Пусть они принимают меры.

* * *

— Вот и все. Он попросту отказался! — сказал первый, человек в синем рабочем комбинезоне и в оранжевой строительной каске на голове. — Я же предупреждал, что он человек несговорчивый...

— Дурак он просто, а не несговорчивый человек, — заметил второй, одетый, как и первый, в строительный комбинезон. — От таких денег отказался. И ведь риска никакого. Его личные грузы никто проверять не будет. Он здесь — че-

ловек номер один. Загадка, почему он отказался. Кто вообще от таких денег отказывается, когда они сами плывут тебе в руки. Может, желает все сам хапнуть?

— Тогда бы согласился для вида. Он просто упертый! И вся загадка в этом. — Первый откровенно злился, что пошел у второго на поводу и решился на этот рискованный шаг. Знал же, кому предложение делает, но громадная сумма денег сыграла свою роль. — И как нам теперь быть, что с ним теперь делать?

— Выход только один... — решительно сказал второй и махнул рукой, словно топором что-то отсекая. Второй был крупным лысым мужчиной, лет сорока пяти, резкость в поступках была ему свойственна.

Первый же был ниже его и моложе лет на пять и в отличие от второго имел темные кудрявые волосы, которые спускались из-под каски на плечи. В комнате находились еще двое людей в рабочих комбинезонах. Они сидели на кровати, ожидая решения старших товарищей.

— Придется... Пока он сам не поторопился и не сдал нас... — согласился первый и оценивающе посмотрел на двоих сидящих.

— Сколько это будет стоить? — откровенно спросил один из них, поняв, что от них требуется.

Первый посмотрел на второго, ожидая его слова.

— Восемьдесят плюс пятьдесят тому, кто сделает дело, — сказал второй.

— А если вдвоем сделаем? — последовал вопрос. — Как понять, какой выстрел дело сделал?

— Тогда поделите пятьдесят на двоих, — решил второй.

— Это нечестно. Каждому по пятьдесят... Рискует-то каждый. Причем отнюдь не жизнью соседа.

— Ладно, пусть будет так, — внезапно согласился второй, разыгрывая щедрого человека, но надеясь, что или оба, или хотя бы один из киллеров погибнет при попытке перехода линии фронта. Хотя, в принципе, в этом им можно и помочь с помощью купленного снайпера.

Пойти на крайние меры и обратиться напрямую к генералу их вынудили обстоятельства. Самолет, которым они обычно пользовались, был обыскан Российским бюро Интерпола во время посадки в аэропорту Внуково, мешок с грузом конфискован, а экипаж самолета задержан «до выяснения». Был задержан весь экипаж самолета, хотя первый поддерживал связь только с бортмехаником, который груз и перевозил на свой страх и риск в технике, подлежащей ремонту. Но факт остался фактом — канал поставки был провален, а в Мо-

скве очень ждали очередную поставку — на сей раз большую, которую провалить было никак нельзя, поскольку за нее уже получили деньги. И именно тогда в голове второго возник план по задействованию генерала Сумарокова и его ликвидации в случае отказа в содействии переброски груза. Но на отказ второй не рассчитывал. Слишком велика была сумма вознаграждения, чтобы от нее отказаться вот так вот просто. Ведь стоило один раз рискнуть, и можно было обеспечить себе, жене и дочери безбедное существование на долгие годы. А потом уже можно и отказаться от продолжения сотрудничества. Именно такой вариант предложения высказывал второй, однако первый сразу, даже не посоветовавшись, предложил Сумарокову длительное сотрудничество.

Но генерал-полковник отказался не раздумывая, что, с одной стороны, было неплохо, поскольку генерал имел бы возможность за время раздумья сообщить компетентным органам о поступившем предложении. Но, с другой стороны, риск здесь присутствовал, хотя и минимальный, поскольку аппаратура, установленная в генеральском кабинете, должна была бы предупредить наркодельцов о попытке сдать их.

Однако генерал отказался и теперь подлежал ликвидации, так как узнал чужую тайну. И двум людям в рабочей одежде было предложено ее

провести, после чего эти люди должны были на предельной скорости умчаться на машине на позиции «бармалеев», где их должны были бы после убийства командующего принять с распростертыми объятиями...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Получив сообщение от старшего лейтенанта Соловейчикова, подполковник Бармалеев извинился перед капитаном Труфановым, объяснил ему ситуацию, и капитан, кажется, даже не обиделся на то, что и комбат его покидает так же быстро, как и другие. По крайней мере, руку на прощание подполковнику подал. Капитану сделали протез вместо ампутированной по голень ноги, но протез пока еще ногу натирал, и Труфанов остерегался его носить постоянно.

В последнее время среди мехводов¹ пошла мода трогаться с места сразу на второй скорости, слышал Бармалеев. Сам он на парковке перед госпиталем тронулся даже с третьей передачи, удивился при этом, как не заглох у него двигатель, но при этом подумал и о том, что сообщать мехводу об этом случае нельзя — тот

¹ М е х в о д — в армейском жаргоне так обычно называют механиков-водителей бронетранспортеров или боевых машин пехоты.

сам начнет пробовать и обязательно сломает коробку передач, такой характер у мехвода с редкой фамилией Миша. Он все пытается сам испробовать и испытать.

Дорога до штаба объединенных сил в Сирии, расположившегося в здании бывшего аэропорта имени Басиля Асада¹, пролегла рядом со штабом южной группировки, которую возглавлял полковник Прохоров. Прямо напротив землянки, в которой кабинет полковника и размещался, откуда-то взялся регулировщик движения в форме российской военной автомобильной полиции, которой военная автоинспекция и подчинялась. Регулировщик флажком-жезлом приказал подполковнику остановиться, что послушный водитель подполковник Бармалеев и сделал, наблюдая при этом, как неторопливо, вразвалочку приближается к нему старший лейтенант с повязкой «ВАИ»² на рукаве. Причем повязка находилась не на локте, где ей быть полагается, а на запястье. В другое бы время и в другой обстановке подполковник обязательно сделал бы старшему лейтенанту замечание, но сейчас было не до того.

— Скорость превышаем... — глядя куда-то в сторону штаба, сказал старший лейте-

¹ Б а с и л ь А с а д — старший брат нынешнего президента Сирии, пользовался любовью народа, погиб в ДТП в 1994 году.

² В А И — военная автоинспекция.

нант. — Документы, будьте добры, предоставить... — голос у него был слащавым, говорил он с ленцой и нахально. Старлей чувствовал себя в праве...

Бармалеев достал документы на бронетранспортер, свое водительское удостоверение и протянул через открытый только что люк. Закрывать во время движения люк он начал совсем недавно, после того как бронетранспортер попал в засаду вражеской РДГ¹. Тем более делал это, когда ехал один или дорога была сильно пыльной, как сейчас.

Что касается превышения скорости, то тут вопрос был спорный. Конечно, показания спидометра говорили, что скорость подполковник слегка превысил, но не намного. А в руках старшего лейтенанта не было радара, измеряющего скорость. И Бармалеев легко мог бы оспорить показания военного автоинспектора, полагающегося, судя по всему, на свой глаз. Но спорить подполковник не хотел. Не то было настроение...

— Можно побыстрее шевелиться. Я очень спешу... — только и сказал он.

— Все спешат. Не торопись на тот свет — там девочек нет, — изрек инспектор с умным видом.

— Дурак! — вспылал подполковник. — Я в объединенный штаб еду. Там произошло

¹ Р Д Г — разведывательно-диверсионная группа.

покушение на генерал-полковника Сумарокова. Меня сам генерал разыскивает.

Старший лейтенант наконец-то добрался до водительского удостоверения, обратил, видимо, внимание на подполковничьи погоны и заглянул в люк, чтобы удостовериться, что его не какой-нибудь младший сержант «дураком» называет.

— Извините, товарищ подполковник. Я ничего не знал о покушении, — старший лейтенант протянул документы через люк. А подполковник взял их и сунул за солнцезащитный козырек.

— Счастливого пути, — козырнул инспектор.

Бармалеев тем временем снова вдавил педаль акселератора в пол бэтээра, обдав старшего лейтенанта облаком пыли из песочно-земляной насыпной дороги и облаком же темной гари солярки, и умчался.

* * *

А из землянки, где располагался кабинет полковника Прохорова тем временем вышли два полковника в общевойсковой форме и майор в форме ВДВ. Всю грудь майора украшали ордена и медали, а сам он сильно хромал, опираясь при ходьбе на тросточку. При этом он, как обычно, ругал и саму Сирию, и «бармалеев», и осколки артиллерийского снаряда, что надолго превратили его, боевого офицера, в штабную крысу.

— Товарищи полковники, вы слышали что-нибудь про покушение на генерал-полковника Сумарокова? — спросил их старший лейтенант.

— Ничего не слышали, — ответил один из полковников. — А что, было покушение?

— Я точно не знаю, но я только что остановил за превышение скорости БТР. Там какой-то подполковник за рулем находился. Он мне и сообщил, что было покушение и что генерал лично его разыскивает.

— А как ты скорость без радара определял, чтобы за превышение останавливать? — спросил полковник, что был возрастом помладше. — На глазок?

— Как фамилия того подполковника? — быстро, пока старлей не успел ответить, спросил второй полковник, который был возрастом постарше.

— Запоминающаяся какая-то. Необычная. Что-то с Сирией связано.

— Бармалеев?

— Вот-вот. Точно. Бармалеев, товарищ полковник.

— Надул тебя подполковник. Пошутил он, — сказал майор ВДВ, звякнув медалями.

— Нет. Подполковник Бармалеев начисто лишен чувства юмора. Он шутить не обучен, — не согласился полковник, тот, что был возрастом постарше. Это и был сам Прохоров. — Вы идите

в столовую, а я позже пообедаю. В объединенный штаб съезжу к Сумарокову. И захвачу с собой то, что мне сегодня Бармалеев дал. Приятного аппетита вам! — Прохоров похлопал себя по карману кителя, словно проверил его содержимое.

Второй полковник вместе с майором ВДВ пожали плечами и продолжили путь в сторону офицерской столовой, а Прохоров направился к недалекой парковке, где тесно стояли бронетранспортеры, и забрался в свой персональный. Мимо инспектора ВАИ он проехал не быстро, а когда догнал своих коллег, успел разогнаться и обдал полковника и майора воздушно-десантных войск облаком пыли.

— Хоть бы немного подвез, — проворчал майор, вороша дорожную пыль тросточкой.

— Торопится, — ответил второй полковник и оглянулся — нет ли кого рядом. После чего добавил: — Выслужиться хочет.

* * *

Подполковник Бармалеев тем временем вынужденно сбросил скорость. Во-первых, его вынудила сделать это каменная гряда, на которую круто взбиралась дорога. А во-вторых, новый шлем подполковника лежал на соседнем сиденье, и его гарнитура издавала призывные звуки — кто-то нервничал на связи, требуя раз-

говора с подполковником. Сначала один человек, потом другой, у которого терпения было больше.

Надевать шлем на голову, чтобы ответить, одной рукой было неудобно — мешала повязка. Пришлось скорость сбросить до минимальной, что позволило надеть шлем без угрозы потери управления бэтээром.

— Командир, товарищ подполковник... — проговорил голос в наушниках шлема.

— Здесь я, здесь, на связи, старлей...

Из всех офицеров батальона чаще других звал подполковника просто «командиром» старший лейтенант Соловейчиков. По его обращению Бармалеев его сразу и узнал.

— Это ты?

— Я, командир. А я уж, грешным делом, подумал, что опять связь барахлит, пропали вы куда-то, — сообщил командир саперного взвода.

— А что ты хотел? — спросил Бармалеев. — Есть какие-то срочные дела?

— Полковник Скорокосов желал с вами поговорить. И для того даже забрал шлем с гарнитурой и КРУС у раненого Кичогло. Но добраться до вас не сумел. Двадцать минут, говорит, вызывал.

— Кстати, где сейчас находится Василий Младшой? В госпитале его нет.

— Ему в госпитале медсестра только перевязку сделала новую. И укол поставила, сбивающий температуру. После этого товарищ полков-

ник Скорокосов у него шлем с КРУСом забрал, а сам Василий отдыхает у себя в блиндаже на родных нарах. Говорит, что к ним уже привык. Сам для себя делал — старался...

— Статистика нам говорит, что обычно для других стараются больше, — перебил подполковник словоохотливого старшего лейтенанта. — Просто из чувства локтя или из желания прослыть мастером на все руки...

— Нары, Кичогло говорит, совсем не те, что были по ту сторону фронта. Но мы и тот окоп заняли, к стати, и придется, видимо, Васе к другим нарам привыкать... А зачем Василий Младшой вам, товарищ подполковник? Извините уж за вопрос.

— Генерал-полковник Сумароков приказал наградить Кичогло медалью «За отвагу» и присвоить ему звание младшего сержанта. Погоны я уже купил в автолавке Военторга. Осталось только вручить и поздравить обладателя нового звания. Ну ладно, это дело будущего. А пока... Как, подсажи мне, теперь добратся до полковника Скорокосова.

— Только по общекатальонной связи.

— То есть стоять среди толпы и обсуждать секретные действия? Это учитывая то, что Скорокосов с КРУСом не дружит.

— Примерно так. Или побыстрее приехать. Или сделать вообще по-другому. Скажем, я на

время даю свой КРУС полковнику вместе со шлемом, чтобы провода не переключать. Вы беседуете, потом он мне все возвращает. Это же выход? Или просто его КРУС настрою.

— Это — выход, но только в том случае, если ты до штаба раньше меня доберешься. А я — совсем рядом.

— Так я уже здесь, на втором этаже, рядом с кабинетом генерал-полковника. Так я пошел к Скорокосову?

— Если ты в карауле, я не уполномочен тебя снимать.

— Нет, я просто караул проверяю. Так я пошел?

— Давай быстро...

Минуты не прошло, как полковник Скорокосов вышел на связь.

— Здравия желаю, Валерий Николаевич, — сказал Бармалеев. — Как здоровье?

— У меня-то нормально, но вот у адъютанта Сумарокова — прямо скажем, не ахти какое. Две пули в грудь. В настоящий момент находится в госпитале, в реанимации. Он был в бронежилете скрытного ношения, когда попутно выполнял обязанности телохранителя генерала. Себя не пожалел, встал между генералом и стволом автомата. Бронежилет не выдержал очереди с пяти метров. Одну пулю задержал, только

пятое ребро оказалось сломанным. А две пули прошли бронежилет и вошли в грудь. Не знаю вот — выживет ли... Но капитан не зря слыл отменным стрелком. Он успел вытащить пистолет и дважды выстрелить. Первая пуля пробила киллеру бицепс на правой руке, вторая — поразила горло. Наступила моментальная смерть. Генерал-полковник во время перестрелки выхватил свой пистолет, а он тоже стрелок отличный, и его пуля угодила второму бандиту прямо в лоб. Бандитов было двое. Это рабочие, что стенку в генеральском кабинете сооружали — место для адъютанта готовили. Потому капитан на них сразу и не среагировал. Подумал — приехали свою работу проверять...

— Понятно, товарищ полковник. А что третий рабочий говорит? Тот, которого я узнал.

— Вот по поводу третьего я тебя и искал. Это полковник ФСБ Аркадий Дмитриевич Курносенко, хотя он здесь под именем какого-то сирийца работает. Предлагаю тебе его немедленно задержать. К сожалению, большой состав для задержания я тебе предоставить не могу. Но возьми с собой старшего лейтенанта Соловейчикова и еще кого-нибудь из бойцов его взвода — ты лучше меня знаешь, кого именно. А еще лучше пусть сам Соловейчиков выберет. И вперед! Ты где сейчас находишься?

— Заезжаю на парковку рядом со штабом. Тут целое Средиземное море крови. Мне даже в люк видно.

— Это кровь капитана Николаева. Вижу тебя в окно... Соловейчиков тебя встретит. Жди его в машине. Сразу гони на задержание. Задержанного тут же — ко мне. Где общежитие рабочих, ты знаешь... Только бы не опоздать, а то, боюсь, придется еще Иран просить о задержании. А потом еще и кучу документов на экстрадицию оформлять.

* * *

Старший лейтенант Соловейчиков предпочел взять с собой своего замкомвзвода старшего сержанта Якова Кренделя.

— А взвод на кого оставил? — спросил Бармалеев, привычный к тому, что старший сержант обычно остается за самого старшего лейтенанта, когда тому следует отлучиться по каким-то делам.

— У меня во взводе парни надежные. Могут любого вместо себя оставить, хоть сержанта, хоть рядового, — ответил командир саперов. — Поехали.

Общежитие рабочих занимало две крайние со стороны здания аэропорта палатки. В одной хранились инструменты и материалы, во второй — жили собственно строители. Свой броне-

транспортёр Бармалеев предпочёл оставить на парковке, чтобы не привлекать шумом двигателя лишнего внимания строителей. От парковки до нужных палаток было две сотни шагов, пройти которые, в том числе и с пленником, труда не составляло даже в том случае, если пленник будет сопротивляться и идти самостоятельно не захочет. Не слишком сложно его и дотащить. Не велика тяжесть в этом полковнике, да и строительная каска легче боевого шлема спецназовца!..

По дороге от парковки к палаткам подполковник со старшим лейтенантом и старшим сержантом обсудили варианты задержания, составив планы «А», «В» и «С». План «А» не предусматривал никакого сопротивления. Согласно ему, если полковник Курносенко мирно протянет руки, на них наденут наручники, которые старший лейтенант Соловейчиков предусмотрительно захватил с собой. Согласно плану «В», если Курносенко попытается сопротивляться, то его вырубят два офицера спецназа военной разведки, а потом надевают на него наручники. Согласно плану «С» они будут действовать следующим образом. Если полковник предпримет попытку к бегству, то со стороны входа его не пропустят Бармалеев и Соловейчиков. А если Курносенко попытается выйти сзади палатки, возможно, располозовав её ножом, в этом случае его там

встретит старший сержант, внешне щедушный, но способный на многое, особенно в стрельбе. Вот потому автомат Кренделя и должен стоять на взводе, и старший сержант должен быть готовым к открытию огня по ногам.

Проблемы вроде бы не должны были возникнуть, но они возникли сразу, как только подполковник Бармалеев со старшим лейтенантом Соловейчиковым откинули полог палатки на входе. Прямо перед ними стоял, словно ждал их прихода, гигант, ростом далеко за сто девяносто сантиметров и с необхватными плечами. Гигант был в ярко-синей робе, в строительной каске и держал в руке чемоданчик с наклеенной этикеткой от строительного пистолета. Но сам чемоданчик был от чего-то другого, пистолетный чуть ли не вдвое меньше. Увидев два наставленных на него автоматных ствола, высокий человек бросил свой чемоданчик в лицо Бармалееву так ловко, что тот едва успел защититься автоматом, но его напарник успел дать короткую очередь и попал гиганту в икру. Тот взвыл то ли от боли, то ли от ярости, выхватил нож, но на двух офицеров спецназа не напал, а, приволакивая простреленную ногу, ринулся в заднее отделение палатки, превращенное в кухню. Оттуда сразу же послышался треск ткани — гигант вырезал себе выход. Бармалеев с Соловейчиковым вперед не пошли, опасаясь нарваться на автомат-

ную очередь Кренделя, которая могла задеть и их. Но вместо автоматной очереди они услышали только глухой звук удара и звук падающего тела. И только после этого оба офицера шагнули на кухню.

Гигант лежал на спине, широко раскинув руки, а в кухне уже стоял Крендель, который, отставив к тумбочке автомат, усиленно потирал основание ладони. Бармалеев посмотрел на лицо гиганта и стал складывать тому руки на груди, чтобы сцепить их наручниками.

— Бесполезно, — сказал Соловейчиков, — он мертв. Я сам учил Яшу этому удару. Основанием ладони под основание носа. Если ударить чуть вбок, ломается нос и появляется море крови. Если ударить прямо, нос тоже ломается, и сломанные кости уходят в мозг. Посмотрите, командир, в глаза этому амбалу. Они должны быть красными от крови.

Подполковник приподнял одно веко мужчины. Глаз в самом деле был переполнен кровью.

— Готов... — признал наконец и он, на всякий случай прикладывая два пальца к горлу, чтобы прощупать сонную артерию, но пульс не ощущался. — Но где Курносенко?

— В спальне... — предположил Крендель. — Там вы не смотрели?

В этот момент из-за брезентовой стены, отделяющей спальню от кухни, раздалось невня-

ное мычание. Все трое спецназовцев ринулись туда.

Полковник ФСБ Курносенко лежал на кровати, руки и ноги его были обмотаны скотчем. Рот был заклеен. На голову, прикрывая лицо, была натянута солдатская камуфлированная вязаная шапочка с прорезями для носа, рта и глаз. Пришлось подполковнику Бармалееву вернуться на кухню, снять уже надетые на одну руку на гиганта-сирийца наручники, вернуться в спальню, резко сдернуть шапочку, дабы убедиться, что это в самом деле Курносенко, оторвать липкий скотч с частью усиков ото рта полковника, а потом нацепить на него наручники. После чего подполковник вытащил нож, разрезал скотч на руках и ногах Аркадия Дмитриевича.

— А вы уверены, что имеете право меня арестовывать? — невозмутимо спросил Курносенко.

— Пока вы только задержаны на семьдесят два часа, то есть на трое суток...

— Ну, это еще можно перетерпеть, — со вздохом согласился Аркадий Дмитриевич. — Трое суток не так уж и много, в сравнении...

— В сравнении с чем? — прямо спросил Бармалеев.

— Ну, скажем, в сравнении с тем временем, сколько я жену не видел. Она у меня прокурор по надзору и часто бывает в командировках. Вот и перед моим отъездом сюда она тоже на ме-

сяц уехала. Почти на месяц, а я в ее отсутствие уехал на три... Так и не удалось встретиться. За младшими детьми старшая дочь следит. Служба такая, ничего не попишешь.

«Прокурор по надзору...» — полковник Курносенко не случайно назвал должность жены. Конечно, он может должностью жены гордиться, тогда понятно. Тем не менее в контексте разговора это название должности прозвучало как угроза. Но угроз подполковник не боялся — в его жизни они звучали часто и всегда оставались лишь угрозами, не более того.

— Ладно, полковник Скорокосов разберется... — решил Бармалеев.

— Скорокосов... — принялся Курносенко размышлять вслух. — Это из ГРУ, что ли? Я думаю, что ему тоже не нужны лишние неприятности. А мы с женой в состоянии их ему доставить.

Теперь он уже открыто угрожал тем, что его жена прокурор по надзору.

— Неприятности всегда бывают только лишними, — нравоучительно изрек Крендель. — И вам это известно лучше других. — Он только поднял руку, демонстрируя полковнику свой узкий и жилистый кулак, а вовсе не основание ладони, которым нанес предыдущий удар. И Курносенко шарханул в сторону соседней кровати.

— А тебе, старший сержант, они уже обеспечены. Ты же убил человека одним ударом. И это

вместо того, чтобы задержать его. Кто это одобрит?.. И главное! На кого ты руку поднял — на акыда Ахмеда Самаама, сотрудника Разведывательного управления Генерального штаба сирийской армии. Запомни это и трепещи. Жди крупных неприятностей.

— Ладно, поехали в штаб. Там Аркадия Дмитриевича допросим под протокол, — решил Бармалеев, мало обращая внимания на угрозы полковника старшему сержанту, но сам пытаюсь Курносенко угрожать. — Вы ведь знаете, наверное, товарищ полковник, что по законодательству теперь видеозапись приравнивается к протоколу. Вот и запишем на вами же установленные камеры беседу с вами как с главным лицом действия, то бишь покушения. Там все видно будет. И как вы дрожите от испуга за свою никчемную жизнь, и все остальное. А потом вас закроют на ночь в подвале. Там большое помещение, только спрятаться от Яши Кренделя вам будет негде. — Последовал кивок в сторону старшего сержанта. — Он же ночью видит, как кошка. У него рецепторный аппарат глаз так устроен, — откровенно врал Бармалеев про старшего сержанта. — Но он может найти вас не обязательно нынешней ночью. У него трое суток в запасе. А когда он уйдет, вы ничего больше рассказать не сможете, даже если пожелаете. Так что я рекомендую вам начать говорить откровенно чуть-

чуть раньше, к примеру уже сегодня, чтобы я мог найти хорошую причину куда-нибудь отправить старшего сержанта с поручением до утра, чтобы дать вам возможность выспаться, может быть, последний раз в жизни.

Подполковник подхватил Курносенко под один локоть, старший лейтенант Соловейчиков под другой, и так они вывели задержанного из палатки, предварительно набросив на наручники, чтобы скрыть их, полотенце. Однако на широкой улице палаточного городка им встретился майор морской пехоты комбат Кологривский, чей батальон только что прибыл из района боевых действий, и разгружался чуть в стороне — на две улицы дальше, если считать от штаба. А улицы были неширокие, поскольку палатки значительно отличаются размером от городских домов.

— А я вижу, вроде БТР знакомый стоит. Значит, думаю, и Бармалеев где-то рядом. Искать пошел... — Майор явно обрадовался встрече с боевым товарищем. — Слушай, а правду говорят, что на генерал-полковника Сумарокова покушение было совершено?

— Правда, — честно ответил Бармалеев. — Вот видишь, мы одного из главных организаторов повязали. — И он свободной рукой приподнял полотенце, демонстрируя наручники.

То, что произошло дальше, удивило Бармалеева, поскольку его поведение было недо-

стойно психически уравновешенного комбата морской пехоты. Майор буквально взревел диким зверем:

— Он хотел нашего генерала убить!

И тут же ударил полковника ФСБ в глаз, на котором сразу образовался синяк. Но Кологривскому этого показалось мало, а подполковник Бармалеев, не ожидавший такой реакции со стороны майора, поздно отреагировал, и Кологривский ударил и второй рукой, благополучно поставив синяк и на второй глаз, выполнив при этом классическую боксерскую «двоечку». Но нанести третий удар комбат морской пехоты не успел, хотя явно намеревался это сделать. Крендель обхватил его двумя руками за корпус, к которому прижал его руки.

— Не надо, товарищ майор. На нас ведь подумают, что мы задержанного били, — только и сказал старший сержант совершенно спокойным тоном.

— Его за такое самого убить мало, — ответил морской пехотинец, но Кренделю обиды не выказал, только расслабился и мотнул широкими плечами, словно хотел руки молодого сапера с себя сбросить.

— Ты, Юрий Борисович, пока вот что сделай... В палатке остался труп акыда Самаама. Крупный такой мужчина в строительной спецовке и в такой же каске. Надо бы его тоже в штаб к Скорокосову

доставить. На всякий пожарный. Озаботься этим. И содержимое карманов проверь.

— Сделаю, — согласился Кологривский.

Спецназовцы подвели полковника Курносенко к своему бронетранспортеру, так и стоящему на парковке в первом ряду, где подполковник Бармалеев его и поставил и где узнал БТР майор Кологривский. Впрочем, узнать было не сложно. После того как БТР попал в засаду, на люке мехвода, давно уже лишенном бронированного стекла, остались выбоины от пуль пулемета и автоматов, покрашенные относительно свежей краской. Краска слегка отличалась по цвету от родной, но мехвод Миша использовал ту, которую сумел найти.

Полковник Курносенко ничего не сказал майору Кологривскому в ответ на два удара. Даже женой не пригрозил. Что вызвало у Бармалеева легкое удивление. Он вообще-то, глядя на мужественное лицо полковника и слушая его высказывания, изначально посчитал его человеком, сломать которого так просто не удастся. А, как показалось Бармалееву позже, Аркадий Дмитриевич сломался так легко, от каких-то двух не слишком сильных ударов, к тому же нанесенных даже не в болевые и тем более не в нокаутирующие точки. А майору морской пехоты эти точки знать положено, как положено и уметь в них бить.

В бронетранспортере на высокое место стрелка-радиста, то есть за пулемет и автоматическую тридцатимиллиметровую пушку, сразу сел старший лейтенант Соловейчиков — любитель больших калибров, а на соседнее со своим креслом Бармалеев тут же устроил свой новый шлем. Таким образом, старшему сержанту Кренделю досталось место десантника, как и задержанному полковнику Курносенко.

Бронетранспортер двигался медленно, так обычно подполковник Бармалеев не ездит. И этому были свои причины. Во-первых, движение в обе стороны было оживленным, и легко было угодить в ДТП. Во-вторых, сам Бармалеев не упустил бы такой возможности. Он видел, как легко было нанести удар локтем в челюсть старшему сержанту Кренделю, после чего совершить скачок вперед и, используя наручники в качестве удавки, захватить его самого за шею, пережать горло. А там уж как бог на душу положит. Можно, например, ДТП устроить — столкнуться с точно таким же бронетранспортером, что на высокой скорости движется навстречу. Можно и еще что-то придумать, чтобы сбросить с верхнего сиденья Соловейчикова. Можно после удара по Кренделю захватить его автомат и расстрелять и водителя, и старшего лейтенанта, и самого Кренделя. Все можно сделать, было бы желание жить и мужество для поступка мужчины, мало

думающего о последствиях... Но именно мужского характера полковнику ФСБ, похоже, и не хватало.

В боевой практике подполковника Бармалева во вторую чеченскую войну был случай, когда он, тогда еще лейтенант, отправился в разведку с двумя бойцами. Бойцы были убиты в перестрелке, а сам он, раненый, угодил в плен. Ему стянули петлей руки спереди и перебросили веревку через центральную домовую балку, на которой держалась вся кровля. Два «чеха» хотели поднять и вытянуть его, а третий вытащил из кармана куртки лейтенанта опасную бритву, только этим утром купленную им в автолавке Военторга, и стал вырезать на его спине красную звезду — так называемый «красный тюльпан», как его называли «духи» в Афгане. Сам лейтенант афганскую войну не захватил. К моменту ее окончания он еще на младших курсах военного училища «грыз гранит военной науки». Бармалеев тогда позволил веревке натянуться и тут же ухватился за нее, слегка подтянулся и каждой ногой нанес удар по челюсти противников, с двух сторон, чтобы «чехи» еще и лбами один о другой стукнулись. Они не стукнулись, но оба упали как подрубленные. Бармалеев готов был упасть на земляной пол, но внезапно почувствовал, как натянулась веревка. Один из «чехов» весом был раза в два тяжелее его самого. К тому же он на-

крутил веревку себе на руку. Бармалеев подтянулся еще раз, обернулся и двумя ногами одновременно ударил по челюсти человека с бритвой. Бритва, звякнув, упала на земляной пол... Этот удар был бы заключительным, если бы вне дома не находились еще трое «чехов», которые мило флиртовали с девушками-чеченками, широко при этом улыбаясь. С большим трудом освободив из петли руки, Бармалеев схватил автомат, прислоненный к стене дома, и быстро дал три короткие прицельные очереди. Улыбки на лицах «чехов» сменились гримасами боли. А вот боль в ране на спине, кажется, в тот момент отпустила его самого, сменившись чувством удовлетворения и радости от ощущения свободы. Бармалеев вернулся в дом, добил троих своих мучителей и быстро покинул село — ушел в горы, не имея даже карты на руках. Хорошо, что командование батальона, в котором Бармалеев тогда служил, отправило два взвода искать двух солдат и офицера или хотя бы их тела. Бармалеева подобрали в полубессознательном состоянии свои и доставили в госпиталь. Рана зажила быстро, но долго еще болела нога, сломанная в лодыжке от удара бандиту в челюсть.

Подполковник вспомнил все это и оценил поведение полковника ФСБ как «неудовлетворительное», как немужественное. А сам продолжал ехать медленно, не обращая внимания

на сигналы транспорта за спиной. И только когда он свернул с главной дороги и направился к объединенному штабу, движение стало значительно меньше. Подполковник поставил свой бронетранспортер на парковке, и втроем они помогли выбраться наружу полковнику Курносенко. В штаб его повели в том же порядке, что и к бэтэру — впереди старший сержант с автоматом в боевой готовности, а подполковник со старшим лейтенантом придерживали полковника, ухватив под локти. Заминка вышла только на посту при входе в сам штаб. Офицер-сириец из комендантского подразделения никак не хотел пропускать офицеров вместе с задержанным, на которого не было пропуска. Пришлось звонить полковнику Скороковому, который решил вопрос прямо по телефону.

Одновременно прибыл и полковник Прохоров, который сразу прошел к генералу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Оставив задержанного под охраной старшего сержанта, подполковник со старшим лейтенантом прошли к подполковнику Скорокосову и в подробностях рассказывали ему о том, как проходило задержание Курносенко. Не могли они обойти стороной и гигантскую фигуру акыда Ахмеда Самаама. К некоторому удивлению подполковника Бармалеева, Скорокосова больше всего заинтересовал чемоданчик сирийского полковника, который он бросил в Бармалеева.

— Надо было вскрыть его, посмотреть, что там, — сказал полковник.

— У нас не было приказа на проведение обыска в палатке, — возразил, оправдываясь, Соловейчиков. — К тому же на чемоданчике кодовый замок. Чтобы его открыть, требуется время, а оно у нас было ограничено.

— Да, это мое упущение, — согласился Скорокосов. — Сказывается нехватка следственного опыта. На обыск требуется ордер и обязатель-

ное присутствие как минимум двух «понятых». Но ничего еще не потеряно, хотя полковник Курносенко, возможно, и пожелает заявить, что улики ему подбросили уже после задержания.

— Есть выход, — сказал Бармалеев. — Разрешите?.. — Он полез в карман своей куртки и вытащил смартфон. Найдя в адресной книге номер телефона майора Кологривского, позвонил.

Майор, видимо, держал телефон под рукой. По крайней мере, ответил он быстро.

— Слушаю тебя внимательно, Вилен Александрович. Вроде бы только что расстались...

Бармалеев включил на телефоне громкую связь.

— Юрий Борисович, ты в настоящий момент где находишься, чем занят?

— Ну и задачку ты перед нами поставил... Твой акыд Самаам весит, наверное, килограммов сто сорок. Пытаемся его тело загрузить в мой бронетранспортер. Я и бойцов специально покрупнее с собой взял. Все одно — тяжеловат акыд. Как только Крендель умудрился такого быка завалить. Его же очередь из автомата, наверное, не возьмет — все ему нипочем будет. Ох и задачку ты перед нами поставил, Вилен Александрович.

— Ты вот что сделай. Трап перед какой-нибудь палаткой возьми, а лучше — два трапа,

переверни их и попытайся по трапам загрузить. Об удобствах покойного можешь не беспокоиться. И сними с него бронезилет и разгрузку. Все легче будет... А сам вот что сделай. Сразу за входом в палатку должен валяться серый пластиковый чемоданчик, с этикеткой строительного пистолета и кодовым замком. Захвати его с собой.

— Видел я этот чемоданчик. Сейчас, мигом сбегаю.

— И еще... — пользуясь тем, что телефон был включен на громкую связь, сказал полковник Скорокосов. — Будь так добр, выставь у палатки часовых. По два человека — спереди и сзади, где палатка разрезана. И предупреди бойцов, чтобы никто не входил и не выходил. В случае несогласия и острого желания посетить палатку — стрелять на поражение... Хотя лучше по ногам — нам свидетели нужны...

— Понял, товарищ полковник. — Майор Кологривский даже голос полковника узнал, несмотря на то что он стоял в стороне. — Есть стрелять по ногам...

Бармалеев после слов майора от разговора отключил связь. В этот момент телефон вновь зазвонил.

— Жена, — виновато сказал Бармалеев и посмотрел на полковника, спрашивая разрешения ответить.

Скорокосов торопливо кивнул.

— Слушаю тебя, только учти — я очень занят.

— Ты всегда занят, и днем, и ночью, когда ни позвони. Я только спросить хочу: у тебя все нормально?

— Нормально. Скоро буду дома. Жди через четыре месяца.

Он отключился от разговора и убрал телефон, не дожидаясь ответа Тамары.

— Давай сюда задержанного, — распорядился Скорокосов.

Соловейчиков открыл дверь и сделал знак старшему сержанту, на которого с прежней опаской косился полковник ФСБ. Крендель подтолкнул Курносенко стволом в спину, направляя его к двери кабинета. Удар был слабым, к тому же бронезилет, который «строитель» тоже носил, удар нивелировал. Однако Аркадий Дмитриевич и от него поморщился, изображая боль.

Чуть в стороне от рабочего стола полковника у стены стоял с одной стороны высокий и узкий сейф, состоящий из двух отделений — верхнего и нижнего, с другой — трюмо, рядом с которым к стене была грубо приколочена большими гвоздями вешалка — других гвоздей под рукой не оказалось.

— Красавец, — только глянув на раскрашенного кулаками майора морской пехоты Курно-

сенко, сказал Скорокосов с некоторой даже долей брезгливости.

— Красавец, — подтвердил сам полковник ФСБ, только мельком и косо посмотрев в зеркало. Посмотрел и сразу поморщился. Но это движение, должно быть, доставило полковнику боль, которую он терпеть не привык и даже не умел, и потому долго не открывал глаза. И только когда Курносенко с трудом сумел поднять веки, он спросил:

— И как же вы намереваетесь передать меня Следственному управлению ФСБ в таком виде? Вас же самих могут привлечь за пытку подозреваемого.

Курносенко, похоже, не сомневался, что его передадут в Следственное управление ФСБ, где его вопрос благополучно будет решен. Но он, видимо, не сумел учесть кое-какие нюансы.

— А кто вам сказал, что ваше дело будут рассматривать ваши коллеги по ведомству, заинтересованные в том, чтобы не выносить сор из избы? — задал Скорокосов встречный вопрос.

— Ну, не ГРУ же будет его рассматривать? ГРУ, насколько мне известно, не наделены полномочиями следственных органов.

— Ну, — в тон полковнику ФСБ ответил полковник военной разведки, — во-первых, такой организации, как ГРУ, уже давно в Вооруженных силах России не существует. Есть только

Главное управление Генерального штаба... И подчиняется оно законам Российской Федерации, за соблюдением которых следит Главная военная прокуратура, имеющая собственное Военное следственное управление. Это вам для справки... — и добавил, заметив кривой смехом полковника ФСБ: — Но и Главное следственное управление Военной прокуратуры вести это дело, скорее всего, не будет. Поскольку преступление произошло за пределами Российской Федерации, хотя и в ее войсках. Однако в деле замешаны граждане Сирии, следовательно, сирийским властям и флаг, как говорится, в руки, и барабан на шею, как юным пионерам. А кроме того, Следственное управление ФСБ ничего не знает о гражданине Сирии Гуйчи Кхаледе.

— То есть как это? — возмутился Курносенко. — В Следственном управлении прекрасно информированы, что под именем Гуйчи Кхаледа в Сирии работал я.

— Не знаю, ничего не знаю, вот официальное письмо. — Полковник Скорокосов держал в руке лист входящей шифротелеграммы. — Письмо получено по средствам шифрованной связи, потому я не имею права кому-то его показывать, кроме товарища генерала. Мы задаем вашему ведомству вопрос о причастности сирийца Гуйчи Кхаледа к покушению на генерал-полковника

Сумарокова. И нам официально отвечают, что никакого сирийца Гуйчи Кхаледа они в Москве не знают.

Полковник ФСБ перевел дыхание.

— Вы бы еще спросили о причастности к подготовке покушения на Президента России. И получили бы точно такой же ответ, — сказал он.

— То есть, если я вас правильно понял, вы обвиняете свою бывшую службу в сокрытии истины?

— Примерно... — ответил Курносенко. — По крайней мере частично.

В это время дверь без стука открылась, и в кабинет вошел генерал-полковник Сумароков, при появлении которого все, включая полковника Курносенко, встали. При этом последний встал вместе со стулом, к которому его прицепил наручниками старший сержант Крендель.

— Сидите, сидите... — махнул рукой генерал.

Первым сел на стул старший сержант Крендель. За ним и остальные. Только полковник Скороков, вышагивающий перед своим столом, остался стоять.

— Товарищ генерал, мы проводим допрос подозреваемого... — начал было объяснять Скороков, но генерал перебил его:

— Продолжайте. Я смотрел, как вы ведете допрос, по видеотрансляции. Там, кстати, — генерал указал на дверь в просторный коридор, —

вас дожидаются морские пехотинцы. Принесли тело очень крупного человека в одежде рабочего. И переводят, судя по всему, дыхание. Тело довольно тяжелое.

— Итак, — продолжил Скорокосов, обращаясь к полковнику ФСБ. — Мы остановились на том, что Следственное управление ФСБ России от вас отказалось. Почему? Хотелось бы услышать.

— Никто от меня не отказывался, — ответил Аркадий Дмитриевич. — Просто вы неправильно поставили вопрос. Следственное управление отказалось от причастности Гуйчи Кхаледа к покушению на товарища генерала, и я с этим полностью согласен. Я к этому покушению не имею никакого отношения.

— А акыд Самаам имеет? — поинтересовался Скорокосов.

— Не знаю. Спросите его сами. Если вы умеете разговаривать с покойниками.

— Вы отлично знаете, что акыд Самаам не может дать показаний, и этим желаете воспользоваться.

— А почему бы и нет, — с некоторой даже наглостью заявил Курносенко, будучи уверен, что в присутствии генерал-полковника его бить не будут, и потому осмелев.

— Подполковник, — обратился Скорокосов к Бармалееву, — пригласите майора Кологривского.